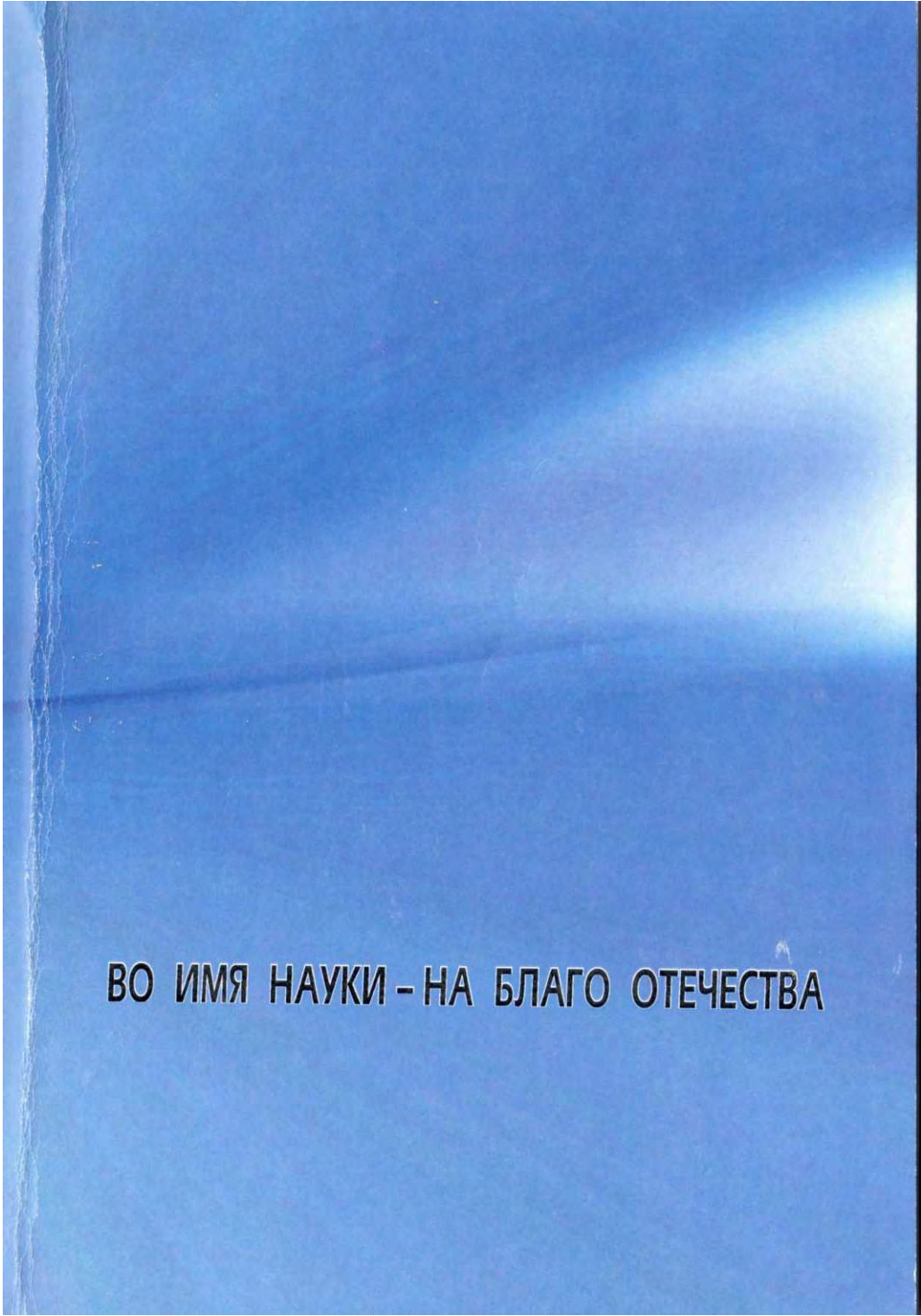




ВО ИМЯ НАУКИ – НА БЛАГО ОТЕЧЕСТВА



Профессор В.И. Голдин на презентации двухтомного издания
«Норвегия и Россия. 1814–2014». Осло, июнь 2015 г.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова»

ВО ИМЯ НАУКИ – НА БЛАГО ОТЕЧЕСТВА

К 65-летию доктора исторических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
Владислава Ивановича Голдина

Сборник

Архангельск
САФУ
2016

УДК 001.89(092)(08)
ББК 72.6(2)-8Голдин В.И.я43
В65

Составители:

доктор исторических наук, доцент А.Л. Кузьминых,
доктор исторических наук, профессор Ф.Х. Соколова

Во имя Науки – на благо Отечества: К 65-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Владислава Ивановича Голдина: сб. / сост.: А.Л. Кузьминых, Ф.Х. Соколова; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: САФУ, 2016. – 245 с.: ил.
ISBN 978-5-261-01159-0

В сборник, посвященный 65-летию известного российского ученого, организатора науки и образования, включены материалы о научной, педагогической и общественной деятельности юбиляра, а также статьи представителей его научной школы.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, докторантов, аспирантов, студентов, всех, кто интересуется актуальными проблемами отечественной истории, международных отношений и науковедения.

УДК 001.89(092)(08)
ББК 72.6(2)-8Голдин В.И.я43

ISBN 978-5-261-01159-0

© Кузьминых А.Л., Соколова Ф.Х.,
составление, 2016
© Северный (Арктический)
федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Раздел I. Владислав Иванович Голдин – ученый, педагог, человек.....	5
Кузьминых А.Л., Соколова Ф.Х. Владислав Иванович Голдин: этапы жизненного пути и научной биографии	6
Голдин В.И. Наука, образование, жизнь.....	17
«Наука неумолимо требует развития...»: интервью с профессором В.И. Голдиным.....	59
Поздравления юбиляру.....	80
Раздел II. Научная школа профессора В.И. Голдина	89
Красавцев Л.Б. Военная помощь союзников через морские порты Севера в годы Первой мировой войны	90
Кузьминых А.Л. Советский плен и интернирование Второй мировой войны как исторический феномен	96
Кустышев А.Н. Проблема квалифицированных рабочих кадров в системе ГУЛАГа	105
Максимов А.М., Соколова Ф.Х. «Этнос» и «нация» как аналитические категории в этнологии: обзор основных концепций	119
Павлушков А.Р. Пенитенциарный статус Русской православной церкви в имперский период: особенности социально-правового оформления	138
Силин А.В. Проблемы профессионального политехнического образования и трудового обучения в педагогическом наследии Н.К. Крупской: вопросы историографии	150
Тевлина В.В. Инновации и сотрудничество в социально-культурной политике России и Норвегии в постсоветский период (на материалах арктических территорий).....	159
Трошина Т.И. Региональное измерение глобальных изменений: к вопросу об актуальности изучения российской провинции в условиях судьбоносных исторических событий	171
Федоров П.В. Лапландский вопрос в политике Москвы (XVI–XVII вв.).....	179
Диссертации, защищенные под руководством профессора В.И. Голдина	203
Библиографический список трудов В.И. Голдина	205
Публикации о В.И. Голдине	240

4. Захарченко А.А. Экономическая деятельность НКВД-МВД СССР в Поволжье в 1937–1953 гг. (историческое исследование): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014.
5. Трус Л.С. Введение в лагерную экономику // Возвращение памяти: ист.-публицист. альм. Новосибирск, 1994. Вып. 2. С. 25.
6. История индустриализации СССР. 1938–1941: сб. материалов и док. М.: Наука, 1972. С. 250.
7. Демидов Р.Г. Социалистическая индустриализация Центрально-Черноземного округа в годы первой пятилетки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1975. С. 21.
8. Кузьмин С.И. Труд в местах лишения свободы России... С. 197.
9. Гос. учреждение Респ. Коми «Национальный архив Республики Коми» (далее – ГУРК «НАРК»). Архивохранилище № 1. Ф. Р-1668. Оп. 1. Д. 597. Л. 36.
10. Детков М.Г. Тюремь, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 251.
11. ГУРК «НАРК». Архивохранилище № 1. Ф. Р-1668. Оп. 1. Д. 723. Л. 31–39.
12. ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941 гг.: сб. док. и материалов / сост. А.Ю. Жуков [и др.]. Петрозаводск, 1992. С. 186.
13. Гос. архив Рос. Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 39. Л. 247–248.
14. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 45. Л. 256.
15. ГАРФ. Ф. Р-8361. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.
16. Рос. гос. архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. Р-7733. Оп. 36. Д. 961. Л. 245.
17. Джойс К. ГУЛАГ в Карелии: 1929–1941 гг. // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2008. С. 187.
18. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1205. Л. 192–226.
19. ГУРК «НАРК». Архивохранилище № 1. Ф. Р-1668. Оп. 1. Д. 868. Л. 43.
20. Полак Л.С. Было так // Вопр. истории, естествознания и техники. 1992. № 2. С. 101.
21. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1239. Л. 16, 4, 14, 18, 27–28, 32, 41–43, 46; Д. 1243. Л. 3, 6–7, 21, 27, 33–34, 42; Д. 1263. Л. 12, 15, 21, 31–32, 37, 52; Д. 1293. Л. 128–131, 141, 152–153, 165.
22. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1243. Л. 50, 78, 99; Д. 1263. Л. 51, 80, 110, 123; Д. 1293. Л. 14, 24, 38, 45, 78.
23. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: справочник / сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. С. 192, 200, 230, 288–289, 349, 381, 385, 387, 495, 499–500, 515, 523.
24. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2820. Л. 28–30; Д. 3150. Л. 41; Оп. 1а. Д. 3111. Л. 1; Кузьминых А.Л. Отдел исправительно-трудовых колоний УНКВД-УМВД Вологодской области (1944–1948 гг.) // История пенитенциарной системы России в XX веке: сб. материалов междунар. науч. семинара. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. С. 29.

25. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док. в 7 т. Т. 2. Карательная система: структура и кадры / отв. ред. и сост. Н.В. Петров. М.: РОССПЭН, 2004. С. 368.
26. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1349. Л. 11.
27. Там же. Л. 11, 66.
28. Там же. Л. 66.
29. Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР: собр. док. и фотографий / отв. ред. О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2008. С. 236–237.
30. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1349. Л. 18.
31. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 3. Экономика ГУЛАГа / отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2004. С. 37.
32. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1227. Л. 159.
33. Там же. Д. 1349. Л. 5.
34. Там же. Д. 2414. Л. 120.
35. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 3. С. 428.
36. Попова И.В. Организованный набор как форма привлечения населения на Европейский Север во второй половине 1940-х – начале 1960-х годов // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2010. № 126. С. 65.

А.М. Максимов, Ф.Х. Соколова

«ЭТНОС» И «НАЦИЯ» КАК АНАЛИТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В ЭТНОЛОГИИ: ОБЗОР ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ¹

В условиях расширения глобализационных и интеграционных процессов, становления целостного взаимосвязанного мира, и как, казалось бы, постепенного единения мирового сообщества на рубеже XX–XXI вв. явственно заявил о себе этнический фактор, возросли масштабы национальных движений и этнополитических

© Максимов А.М., Соколова Ф.Х., 2015

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

конфликтов, этническая составляющая легла в основу деятельности целого ряда международных террористических организаций.

На первый взгляд, пристальное внимание к правам этнических меньшинств оправдано и обусловлено общемировыми процессами демократизации, расширения равноправия, возможностей и свобод для всех без исключения народов. Действительно, после длительного периода принудительной ассимиляции все этнические группы мира получили право на самостоятельное культурное развитие и возрождение собственных традиций. Однако в силу целого комплекса причин объективного и субъективного характера этнонациональные движения стали стремительно приобретать свои крайние формы: сепаратизма, ксенофобии, культурно-национальной исключительности, хотя казалось, что в условиях признания ценности любой личности, ее прав и свобод вне зависимости от расы, вероисповедания и этнической самоидентификации должны были начаться обратные процессы.

В числе причин, обусловивших указанные процессы, можно выделить следующие:

1) противоречивость глобализации, когда процессы становления целостного взаимосвязанного и взаимозависимого мира сопровождаются одновременно его расколом и фрагментацией. Проявившая себя динамика во многом обусловлена попытками навязывания другим странам и народам западной модели общественного устройства без учета их культурной специфики;

2) переходное состояние современной системы международных отношений, обусловленное крушением биполярного мира и обострением борьбы за лидерство. Не секрет, что в стремлении вовлечь в сферу своей политики территории бывшего советского влияния, США инициируют национальные движения в его государственно-политических выражениях. Только в результате распада СССР и Югославии на карте мира вместо двух названных образовалось 21 суверенное государство;

3) недооценка этнического фактора в международной политике и практике государственного управления. Многовековые процессы колонизации, сегрегации и расовой дискриминации, попытки насильственной ассимиляции со стороны титульной нации – очевидные факты истории. Ситуация в мире начала меняться лишь в конце 1980-х гг., когда был признан вклад всех народов в сокровищницу мировых духовных ценностей и признано их право на собственную

культуру. Соответственно прежние обиды незамедлительно дали себя знать в виде центробежных тенденций и ксенофобии;

4) личные амбиции политических элит и различных социально-политических групп, которые в стремлении к получению власти и влияния манипулируют общественным сознанием, консолидируя население под этнонациональными знаменами;

5) на первый взгляд безобидная, вполне оправданная профессиональная деятельность интеллигенции, которая в силу своего социального предназначения обобщает культурный опыт предыдущих поколений, материализует и сохраняет памятники духовной культуры, проводит конструктивную созидательную деятельность, направленную на культурное развитие своего народа. Однако, весьма тонка и неуволима та грань, когда желание возродить культуру своего народа, уравнивать его в правах с другими этносами может переродиться в идею этнической особенности и исключительности, породить в общественном сознании негативное отношение к иным народам, стремление изолироваться от них.

Попытки осмысления глубинных основ этничности, истоков, генезиса, закономерностей развития этнической культуры, проблем межкультурного взаимодействия и разработки эффективных моделей государственной этнонациональной политики обусловили огромный массив исследований по проблеме. Обозначенная проблема находится в фокусе внимания антропологов, историков, социологов и социальных психологов, политологов. Однако комплексное и всестороннее ее изучение наталкивается на отсутствие единых подходов к интерпретации основополагающих научных категорий в данной предметной области.

В социальных и гуманитарных науках стало аксиоматическим утверждение о том, что используемые исследователем категории описания и анализа той или иной области социальной реальности существенным образом определяют содержание предметного поля исследования, иначе говоря конструируют его. То же самое относится и к конструированию научно-исследовательской проблематики – в немалой степени смысловое содержание проблемы зависит от терминов, в которых мы описываем её саму и социальный контекст, её породивший. Наконец, методология исследования, например, такие её компоненты, как обоснование набора измеряемых переменных, определение критериев выбора валидного инструментария, решение проблемы репрезентативности выборки и т.п., сильно зависят от семантического наполнения терминов, ис-

пользуемых для предварительного описания исследуемого объекта. В связи с этим рефлексия над содержанием научных терминов с последующими попытками их операционализации представляется неотъемлемой частью методологической программы любого социального исследования – даже в том случае, если в конкретной области научного знания уже существует некоторая общепринятая конвенция по поводу дефиниции тех или иных терминов.

Следует отметить, что настолько же важную роль лексические единицы, используемые для категоризации социальной реальности, играют и за пределами академического дискурса. В частности, в различных политических дискурсах понимание актуальных задач государственной политики или содержание критических заявлений в адрес правящей элиты определяются используемым акторами тезаурусом в не меньшей степени, нежели структурными характеристиками социально-политической системы.

С учетом вышеуказанного весьма важным является вопрос о циркуляции одних и тех же лексических единиц между различными дискурсами и сопровождающих этот процесс семантических смещений. Сами по себе социальные механизмы надстраивания над языком описания повседневной жизни специализированных языков политики или науки, описывающих «реальность второго порядка» (абстрактно представимую реальность), с последующим проникновением политических и научных терминов в дискурсивные практики повседневности – одна из центральных тем в феноменологической социально-философской традиции. Нас же больше интересуют познавательные и инструментальные возможности абстрактных категорий социально-гуманитарного научного дискурса. Во-первых, насколько имеющийся в распоряжении социальных исследователей арсенал понятий способен адекватно описать и объяснить массив эмпирических данных без того, чтобы создавать логические противоречия в концепции или вынуждать исследователя игнорировать «неудобный» полевой материал. Во-вторых, в какой мере полученные с использованием соответствующих абстрактных категорий интерпретации эмпирических данных, выраженные в форме научных концепций, могут стать основой для разработки управленческих решений.

Ниже рассмотрим существующие на текущий момент трактовки двух центральных для этнологии/культурной антропологии и этнополитологии понятий. Речь идет о категориях «этноса» и «нации», относительно смыслового содержания которых в отече-

ственной и, отчасти, зарубежной науке до сих пор не достигнут консенсус. Наш анализ научной полемики вокруг указанных понятий и их предварительный результат будет включать не только сопоставление рациональных аргументов дискутирующих сторон, но и выявление идеологического компонента дискуссии.

Термины «этнос» и «нация» как в бытовом мышлении, так и в политическом и академическом дискурсах, начиная со времени, когда они получили распространение в значениях, близких к современным, оставались тесно увязаны друг с другом, а в некоторых случаях могли выступать в качестве синонимичных, если не взаимозаменяемых понятий. При этом в различные исторические периоды, а также в контекстах различных политических ситуаций и научных традиций смысловое наполнение данных терминов заметно отличалось, хотя и ассоциировалось примерно с одним и тем же комплексом социальных феноменов. В задачи настоящей статьи не входит рассмотрение этимологических корней и детальной истории употребления этих понятий. Подробно с «историей вопроса» можно ознакомиться в работах Ю.В. Бромлея, С.В. Соколовского, В.А. Тишкова¹.

При всем многообразии концепций, стоящих за понятиями «этнос» и «нация», можно выделить два магистральных направления. Один из них получил наименование примордиализм (от лат. *primordial* – изначальный), второй – конструктивизм. Следует отметить, что несмотря на всю условность данных обозначений, разнообразие теоретических позиций, скрывающихся под этими академическими ярлыками, и нередко возникающие трудности с отнесением конкретных исследователей к тому или иному лагерю, уже сложилась определенная традиция, в соответствии с которой ряд теоретиков однозначно относится к одному из двух направлений, а сами подходы базируются на совокупности фундаментальных теоретических тезисов.

В научно оформленном виде примордиализм возникает после институализации этнографии и приобретения ею академической автономии, а также под влиянием возросшего интереса к этническим феноменам как фактора политической жизни. Так, в значимой для советской этнографии/этнологии работе О. Бауэра «Национальный вопрос и социал-демократия», изданной в начале XX в., понятие «нация» трактуется в примордиалистском ключе, как «совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы»². Несколько позже в научный оборот вво-

дится термин «этнос», предложенный в целях замены не слишком удобных из-за своей полисемантичности категорий «народ» и «нация» и слишком ограниченных в своем смысловом содержании понятий «племя» и «народность». Заметный вклад в популяризацию термина «этнос» и его концептуализацию внес С.М. Широкогоров. В своей работе 1923 г. он определяет специфику этноса как социальной общности через языковые и культурно-бытовые особенности, а также через представления о единстве происхождения и отличии (отграниченности) от других групп того же типа³. Эта дефиниция практически полностью совпадает с тем, что ранее О. Бауэр описывал через категорию «нация». С.М. Широкогоров же предлагает разделять эти понятия и трактует нацию как исторически сформировавшееся политическое объединение различных территориальных, языковых, культурных и иных (по сути этнических) общностей⁴, что близко к современному пониманию данного термина.

Рецепция идей указанных авторов в советской науке привела к закреплению примордиалистских установок в особой «теории этноса», оформившейся к 1970-м годам⁵. Вполне вероятно, что восприимчивость советских этнографов (а затем и этносоциологов) к примордиалистскому пониманию этнических групп и даже наций была обусловлена марксистской парадигмой, для которой характерна реификация абстрактных понятий дискурса общественных наук.

Ключевой фигурой в утверждении господства советской «теории этноса» стал Ю.В. Бромлей. Благодаря его усилиям дефиниция С.М. Широкогорова (в несколько модифицированном виде – с добавлением в качестве необходимых признаков этноса этнонима и этнического самосознания) становится краеугольным камнем советской этнографии. Именно через призму данной теории стали рассматриваться многочисленные этносы, сохранившие многие черты традиционного жизненного уклада. Однако помимо изучения архаичных культур и их носителей «теория этноса» была призвана содействовать решению нетривиальной проблемы места и роли этнокультурных различий в классовых обществах эпохи Модерна. В связи с этим в трудах Ю.В. Бромлея появляется своеобразный дуализм – он вводит дополнительные описательные категории – этникос (этнокультурная общность без привязки к месту проживания и государственной принадлежности, т.е. этнос в узком смысле слова) и этносоциальный организм⁶. Под последним Ю.В. Бромлей понимал этнос (совокупность исторически взаимосвязанных этносов), численно доминирующий на опреде-

ленной территории, имеющий свою государственность (политическое, или потестарное образование) и обладающий свойствами социально-экономической целостности. Согласно этому подходу, нация является разновидностью этносоциального организма, возникшая на основе вполне конкретного этнокультурного субстрата вследствие перехода от ранних классовых формаций к капитализму (разумеется, в марксистском понимании этого термина)⁷.

Приверженцем указанного подхода в современной российской науке остается крупный историк и этнолог, специалист по первобытному обществу Ю.И. Семенов. Его теоретическая интерпретация нации близка к взглядам Ю.В. Бромлея, но все же предстает в несколько трансформированном виде. С одной стороны, Ю.И. Семенов подчеркивает, что нация не сводима к этническим феноменам и не является разновидностью (стадией развития) этноса. «Рождение» наций он связывает с возникновением индустриального общества в странах Западной Европы (в форме рыночного промышленного капитализма) и сопутствующими политическими трансформациями (формирование централизованных бюрократических государств)⁸.

С другой стороны, Ю.И. Семенов вынужден отказаться от однозначности понятия нация в связи с необходимостью концептуализировать опыт национально-освободительных движений и возникновения наций в контексте деколонизации. Дело в том, что национально-освободительные движения и новые постколониальные государства Азии и Африке в целях мобилизации массовой поддержки и собственной легитимации обращались к коллективным идентичностям, формируемым посредством распространения среди членов территориальной группы убеждений в единстве их истории и культуры. Ю.И. Семенов находит выход в изобретении двух типов наций, которые он называет соционациями и этнонациями. Первые возникают в процессе объединения локальных групп населения под влиянием складывания единой рыночной системы и единого централизованного государства, вторые – как продукт национально-освободительных и антиколониальных движений⁹.

При этом, согласно Ю.И. Семенову, и соционации, и этнонации не являются ни чисто политическими проектами, ни социально-психическими конструктами. Любая из них возникает в результате формирования единого геосоциального организма (термин Ю.И. Семенова), совпадающего с границами централизованного

государства. Если в рамках геосоциального организма оказывается возможной интеграция интересов большинства культурно отличающихся групп населения, то это порождает соционации. Если же в структуре геосоциального организма какая-либо компактно проживающая культурная общность занимает низкий статус, подвергается дискриминации и т.п., то на основе этой общности возникает этнонация, становящаяся, по-видимому, ядром нового геосоциального организма. Таким образом, нации возникают в силу объективных и закономерных исторических процессов, а национальные идентичности лишь манифестируют превращение «нации-в-себе» в «нации-для-себя». Само собой разумеется, что этносы Ю.И. Семеновым концептуализируются в рамках примордиалистской доктрины¹⁰.

В целом примордиализм как теоретико-методологическое направление в этнологии никогда не отличался однородностью и монолитностью. Между отдельными исследователями имели место серьезные разногласия. Однако, большинству из них, особенно из числа влиятельных теоретиков было все же свойственно некоторое единство взглядов. Эти общие для многих примордиалистов воззрения могут быть сформулированы следующим образом:

1) между отдельными группами населения существуют фундаментальные различия, четко осознаваемые самими людьми;

2) эти различия сложились исторически, а затем стали наследоваться при смене поколений;

3) содержательно эти различия связаны с происхождением и некоторыми элементами культуры, в числе которых могут быть, например, язык, моральные ценности, поведенческие паттерны, социальные нормы и др.;

4) каждая группа в отдельности конституируется благодаря осознанию общности происхождения и общим культурным признакам¹¹; внешне групповое единство выражено в форме самоназвания; такого типа группы именуется этническими, или просто этносами;

5) этносы возникают в силу объективных причин – они есть результат культурной эволюции, в ходе которой имела место быть адаптация территориальных групп (популяций) к специфическим природным условиям;

6) в процессе исторических изменений, сопровождаемых в числе прочего колебаниями численности этнических групп, миграциями и межэтническим взаимодействием, культура этноса мо-

жет существенным образом модифицироваться, но самосознание (представления об особости и целостности «своего» народа) и самоназвание (этноним) в огромном числе случаев сохраняются;

7) этничность как социальная характеристика индивида и его этническая идентичность являются универсальными и базовыми по отношению ко всем другим характеристикам и идентичностям (возможно, за исключением гендерных); прежде чем определить себя через понятия «класс», «профессия», «религия» и т.д., индивид осознает и обозначает свою этническую принадлежность.

Такого рода общетеоретические представления получали институциональную поддержку в советской этнологии/этнографии, однако после распада Советского Союза стали подвергаться основательной критике¹². Рассуждения о методологических изъянах примордиалистского подхода будут изложены ниже.

Параллельно с утверждением теории этноса в отечественной науке в зарубежной культурной/социальной антропологии наблюдается методологический сдвиг, который позже был охарактеризован как конструктивистский подход к пониманию природы этничности. Одним из знаковых событий, манифестирующих этот сдвиг, стала публикация сборника статей Ф. Барта и его единомышленников «Ethnic groups and boundaries». В нем Ф. Барт со своими коллегами проблематизируют дескриптивный метод раскрытия сущности этноса. С их точки зрения, представляется непродуктивным интерпретировать этнос как социальную группу, определяемую через фиксированный набор специфических культурных черт, отличающих представителей данной группы от представителей других подобных групп. Против такой интерпретации Ф. Барт приводит два возражения. Во-первых, этнос не сохраняет самоидентичности по мере смены поколений, если предполагать, что его обязательным отличительным признаком выступает устойчивый комплекс культурных компонентов, поскольку в ходе исторического развития культура многих этносов существенным образом изменяется. Во-вторых, региональные культурные различия, наблюдаемые внутри одной и той же этнической общности, с течением времени могут стать весьма значительными. Однако во многих случаях это не приводит к ее «распаду» на несколько отдельных этносов, как этого можно было бы ожидать, если бы этнос действительно был группой людей, объединенных между собой и отделенных от других культурными особенностями¹³.

Обширный эмпирический материал, полученный Ф. Бартом и его коллегами в ходе множества полевых исследований, позволил им прийти к выводу о том, что этническая дифференциация в каждом конкретном случае осуществляется посредством различных комбинаций культурных маркеров – в одном случае это может быть язык, в другом – особенности хозяйственно-бытового уклада, в третьем – стандарты публичного поведения и т.д. «Хотя этнические категории учитывают культурные различия, мы не можем предполагать простых однозначных отношений между этническими единицами... и культурными сходствами и различиями... Учитываемые признаки не представляют собой сумму «объективных» различий, но только набор тех различий, которые сами люди считают значимыми... одни культурные признаки используются членами сообществ как сигналы и знаки различий, а другие игнорируются»¹⁴.

Ф. Барт предлагает отказаться от дифференцированного описания этносов через анализ содержания устойчивых культурных комплексов и поместить в фокус исследовательского внимания механизмы демаркации между этническими общностями. На наш взгляд, это не только снимает вышеуказанные методологические трудности, но и позволяет уточнить роль ситуативного контекста и действий акторов в процессе отбора культурных маркеров, используемых для этнической самоидентификации и идентификации «других», посредством чего и воспроизводятся этнические границы и конституируются значимые этнические различия.

Ещё рельефнее конструктивистские установки дали о себе знать в исследовании феноменов нации и национализма. Один из известнейших исследователей данной проблемы Э. Хобсбаум так пишет о смысле понятия «нация» в эпоху Нового времени: «Основное – и чаще всего обсуждавшееся в литературе – значение слова «нация» было политическим. В духе идей Американской и Французской революций здесь ставился знак равенства между «народом» и государством... «Нация» при таком понимании – это совокупность граждан, чей коллективный суверенитет образует государство, представляющее собой реализацию их политической воли. Ибо какими бы иными качествами ни обладала идея нации, элемент гражданственности, всеобщего волеизъявления и массового участия в делах государства присутствовал в ней всегда»¹⁵.

В случае с США и Францией, а также латиноамериканскими странами в период конца XVIII – первой половины XIX вв., мы

обнаруживаем отсутствие сколько-нибудь существенных культурно дифференцирующих коннотаций в понимании того, что есть нация. Очевидно, что самоидентификация американца не могла основываться на языковых, религиозных или иных значимых культурных отличиях от жителей бывших метрополий. Что же касается французской нации, то в неё были включены по факту политической (гражданской) принадлежности к Французской Республике (а затем Империи) весьма сильно различавшиеся в культурном отношении региональные общности провансальцев, бретонцев, нормандцев, гасконцев и других. Таким образом, в политическом дискурсе постреволюционных Франции и Америки нация трактовалась в первую очередь как политико-правовое единство граждан того или иного государства, на основе чего и выстраивается их коллективная идентичность.

Напротив, в германских государствах в период от наполеоновского вторжения до объединения в Германскую империю и в итальянских государствах времен Рисорджименто наблюдается наполнение понятия «нации» культурным содержанием.

Представители политической и интеллектуальной элит, продвигавшие проекты политического объединения территорий разрозненных германских или итальянских государств, нуждались в идеологическом обосновании необходимости реализации этих проектов. Таким идеологическим обоснованием для них стал тот тип национализма, отличительной особенностью которого является объединение в понятии «нация» идей культурно-исторической и гражданско-государственной общности. Нация в этом случае интерпретируется как политическое объединение, возникающее на почве единства языка, происхождения и территории расселения, культурных традиций, исторической судьбы и психического склада.

Э. Геллнер в своей классической работе «Нации и национализм» отмечает, что понимаемые таким образом нации – с общей исторической судьбой и разделяемыми всеми её представителями культурными традициями – в значительной мере представляют собой умозрительные конструкции, спроецированные на прошлое с целью обоснования исконного культурного единства и необходимости в связи с этим достижения или поддержания единства политического. Призванные решать задачи политической интеграции разнородного населения, проживающего на территории конкретного государства, и формирования лояльности к центральной власти эти конструкции становятся фундаментом коллективных идентич-

ностей в ходе социализации посредством унифицированной системы образования и массовой пропаганды. Таким образом, именно массовое распространение и укоренение националистических представлений делает нации частью социальной реальности¹⁶.

Подобную же установку разделяет и Б. Андерсон, интерпретирующий нации как «воображаемые сообщества» (imagined community) – продукт всевозможных национальных движений последних двух столетий, «взавших на вооружение» плоды индустрии книгоиздательства и периодической печати и унифицирующий эффект официальных языков делопроизводства и школьного обучения¹⁷. Интересно его замечание о том, что любое сообщество масштабом больше, чем сельская община, в которой между всеми её членами преобладает прямая (лицом-к-лицу) коммуникация, является воображенным¹⁸. Это означает, что не только нации как политические проекты вновь созданных государств, но и этнические группы, традиционно воспринимаемые как стихийно и постепенно складывавшиеся общности, если они территориально рассредоточены, должны пониматься не иначе как интерсубъективные конструкции.

Один из крупнейших социальных теоретиков второй половины XX в., И. Валлерстайн, обращаясь к вопросу о природе того, что стоит за понятиями «нация» и «этническая группа», указывает на их связь с иерархической организацией капиталистической мир-системы в целом и её отдельных элементов (государств). Во многом солидаризируясь с конструктивистами, он подчеркивает, что нации как объект публичных (политических, научных, журналистских и т.д.) высказываний возникают там и тогда, где и когда гражданские активисты и политические лидеры выступают либо за переопределение государственных границ, изменение статуса определенной территории внутри государства или достижение её полной политической независимости, либо за сохранение территориальной целостности государства, политическую интеграцию его сложносоставного населения, усиление позиций страны на международной арене. Объяснение этому он видит в конкуренции между элементами капиталистической мир-системы за улучшение своих позиций в её иерархической структуре по оси «центр – периферия», а также в каждой из этих зон в отдельности. Право на участие в такого рода конкурентной борьбе признается лишь за теми коалициями и сообществами, которые политически оформлены как суверенные государства – отсюда феномены национали-

стических движений, сепаратизма и «молодых» государств. Сам же концепт нации (национального единства) выступает как идеологический конструкт, легитимирующий право выступающих от имени нации политических группировок участвовать в борьбе за перераспределение экономических ресурсов мир-системы¹⁹.

Что же касается этнических групп, то И. Валлерстайн интерпретирует данную категорию как ещё один идеологический конструкт, базовая функция которого заключается в том, чтобы под видом этнокультурной фрагментации маскировать социально-экономическую стратификацию трудовых ресурсов. Суть выдвигаемой идеи сводится к тому, что этническая принадлежность ассоциируется индивидами с определенными моделями поведения, которые осваиваются в процессе социализации в той или иной этнокультурной среде. Эти модели поведения включают в себя ориентации на определенные формы экономической активности, считающиеся традиционными или типичными для представителей соответствующего этноса. Таким образом, происходит «этнизация» общественного разделения труда и закрепление в стереотипах массового сознания и повседневной практике отдельных видов профессиональной деятельности за конкретными этническими группами: одни из них «специализируются» на физическом труде в сельском хозяйстве, другие заняты неквалифицированным трудом в сфере услуг и т.п.²⁰

В отечественной этнологии такая позиция, получившая обобщенное наименование конструктивизма, начинает активно поддерживаться с начала 1990-х гг. В частности, занимавший в 1989–2015 гг. должность директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков пишет: «Мой подход основан на том, что нация – это категория семантико-метафорическая, которая обрела в истории большую эмоциональную и политическую легитимность и которая... не может быть категорией анализа... Нацию невозможно определить, нацией можно только называться»²¹. Это довольно радикальная позиция, исходя из которой ученый приходит к выводу о необходимости исключения термина «нация» из научного словоупотребления²².

В целом В.А. Тишков, вслед за вышеуказанными авторами, считает, что нация функционирует, прежде всего, в качестве центральной категории в специфических дискурсивных практиках политического национализма. Нация – это не культурно-историческая общность людей, проживающих на территории своих пред-

ков, а идеологический проект по формированию коллективной идентичности у населения определенной территории на основе веры в присущую им культурную гомогенность. Дискурсивное использование понятия «нация» предполагает также intersubjective представления носителей национального самосознания о необходимости политического оформления национального единства — желательно в форме суверенного государства. С этой точки зрения, национальная идентичность становится ресурсом массовой политической мобилизации территориальных групп, который используется местными лидерами для достижения целей политической автономии (в том числе и государственного суверенитета) или групповых привилегий, а центральными правительствами — в целях легитимации собственной власти и обеспечения поддержки административно-управленческих и законодательных решений, маркируемых в этом случае как направленных на защиту «национальных интересов». Фактически нация — это эмоционально окрашенное наименование сограждан²³, что делает это понятие важным в контексте политического дискурса, но малоприменимым в качестве аналитической категории социальных наук.

Если суммировать методологические трудности, которые могут возникнуть при обращении как к примордиалистской трактовке наций и этносов, так и конструктивистской, и попытаться выявить объяснительные возможности двух подходов в контексте проблем научного обоснования государственной национальной политики, то авторы настоящей статьи считают необходимым выдвинуть ряд следующих тезисов.

Во-первых, гипостазирование этносов, а зачастую и наций, к которому склонны приверженцы примордиализма, вынуждают их, в конечном счете, постулировать принцип реальности этнокультурных барьеров между людьми и воспринимать их в качестве фундаментальных препятствий на пути социальной интеграции. Одним из следствий этого становится неизбежное балансирование при определении стратегии национальной политики государства между двумя сомнительными моделями — ассимиляции и мультикультурализма. Критика обеих хорошо известна — первая модель создает условия и поводы для актов массовой политической мобилизации тех носителей этнических идентичностей, которые ассоциируют себя с культурой ассимилируемого меньшинства. Выступления лидеров и активистов национальных движений, этнокультурных объединений и т.п., сами по себе являясь

лишь частью процесса борьбы различных группировок внутри политической элиты за переопределение их статусных позиций, тем не менее, способны вовлечь значительное число рядовых граждан с различными этническими идентичностями в непродуктивное конфликтное взаимодействие. Вторая модель фактически отрицает как возможность, так и необходимость интеграции различных этнических сообществ в общенациональные (государственные и гражданские) структуры на основе распространения на все эти сообщества универсальных практик социального взаимодействия. Как следствие, реализация политики мультикультурализма приводит не столько к сохранению этнокультурного многообразия, сколько к воспроизводству этнического партикуляризма и самодостаточности каждой из этнических групп в составе населения.

Во-вторых, примордиалистская по своему происхождению идея о том, что индивиды естественным образом распределены по сегментам общества, каждый из которых обладает фиксированным набором культурно отличительных признаков, передаваемых из поколения в поколение и определяющим образом влияющих на повседневное поведение людей (по сравнению с имущественным положением, образованием, профессией и даже возрастом и полом), неизбежно должна приводить её сторонников к двум (как минимум) выводам.

Первый заключается в том, что индивиды не могут быть носителями культурных признаков двух и более этнических групп без того, чтобы элементы одного этнического комплекса не воспринимались окружающими (а нередко и самими индивидами) как «изначально присущие», а элементы других — в качестве «вторичных». Иными словами, человек может быть двуязычным, но только один язык будет признаваться родным для него (т.е. такой, который служит для него маркером этнической принадлежности). Такой же подход может распространяться и на бытовые привычки, этикет, религиозные взгляды — вплоть до эстетических и гастрономических предпочтений. Столь жесткое сцепление культурных признаков порождает представление о монолитности и нормативной «чистоте» этнических культур, несмотря на то, что история народов состоит по большей части из фактов культурного обмена, а не изолированного культурного развития.

Второй вывод состоит в том, что в силу разных факторов (демографических, экономических и др.) имеют место межгрупповые социальные конфликты. Поскольку принадлежность к социаль-

ной группе (за исключением малых групп) в первую очередь зависит от самоидентификации индивида, а базовой идентичностью должна считаться этническая, то возникающие межгрупповые социальные конфликты, если в них в качестве противоборствующих сторон вовлечены представители разных народов, должны описываться как межэтнические конфликты. На наш взгляд, убежденность в правильности такого вывода ведет к весьма деструктивным последствиям:

- подменяется предмет конфликта, поскольку межэтнический конфликт при некритическом подходе легко интерпретировать как конфликт разных (несовместимых!) культур, даже если в его основе лежит столкновение чисто экономических интересов;

- для массовой мобилизации сторонников конфликтующие акторы используют этнически/национально окрашенные лозунги, что вовлекает в противостояние людей, у которых нет реальных (связанных с защитой их непосредственных интересов) причин для участия в социальном конфликте;

- восприятие множества социальных конфликтов, описываемых через этническую или национальную терминологию, может формировать устойчивые представления о распространенности межэтнических конфликтов – именно как конфликтов, возникающих на почве культурных различий; в результате аккумуляции опыта такого искаженного восприятия складываются и распространяются негативные этностереотипы, питающие бытовой национализм, а кроме того появляются идеологические по своей сути доктрины, облеченные в академическую форму, вроде концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, которые могут направить государственную политику управления межэтническими отношениями по непродуктивному пути.

В-третьих, представление, разделяемое многими примордиалистами, согласно которому культурные комплексы, специфичные для каждого этноса, сохраняются в основе своей без существенных изменений на протяжении столетий, порождает представление о значимости культурных традиций народов доиндустриальной эпохи. Отсюда растут корни разнообразных политических призывов и лозунгов, транслируемых в массы, – от необходимости признания православного христианства важнейшим культурным достоянием русского народа и чуть ли не требованием закрепления этого в Конституции (вопреки светскому характеру Российского государства и свободе совести) до «возрождения» до-

христианских «древнеславянских» обычаев, обрядов и культов. Помимо того, что многие из так называемых культурных традиций народов не являются древними и «укорененными», а представляют собой изобретения позднего Нового времени (XVIII–XIX вв.)²⁴, но также и их уместность в ином историческом контексте. Сегодня многие обряды и ритуалы, моральные императивы и ролевые предписания традиционных культур либо уже утратили свое прежнее символическое значение, став «пустыми формами», либо интерпретируются в фундаменталистском ключе, что ведет не к консолидации общества, а искусственному возведению новых социальных границ. Полагаем, что гораздо уместнее, когда в рамках государственной культурной политики осуществляется расширение и поддержка ценностей культуры Просвещения – личная свобода, равноправие, уважение к правовым институтам, рациональность мышления и взаимная терпимость, тем более, что именно эти ценности могут стать фундаментом интеграции множества народов России в единую российскую нацию.

Конструктивистский подход воспринимается нами как противостояние против методологических слабостей примордиализма и нежелательных практических (политических) последствий его использования в качестве парадигмы государственной национальной политики. Вместе с тем, с рецепцией конструктивистских идей на российской почве существуют некоторые трудности. По всей видимости, стремление сторонников этих идей методологически переориентировать постсоветскую этнологию подтолкнуло их к радикальной манифестации разрыва с советским марксизмом вообще и советской теорией этноса в частности, что привело к утративанию ряда теоретических положений. Справедливо отмечается, что значительная роль в мобилизации этничности принадлежит интеллигенции и политическим лидерам. Первые, казалось бы, с благими намерениями, но согласно собственным, субъективным представлениям стремятся реконструировать культурно-историческое прошлое своего народа; вторые, в целях обеспечения социально-политических интересов общества, либо личных амбиций консолидируют общество под знаменами этничности.

Однако подобная версия конструктивистской интерпретации этногенеза может привести к умножению волюнтаристских проектов «нациестроительства» и «культурного возрождения» народов, которые без значительных вливаний политического и символического капитала редко обречены на успех. Необходима популяриза-

ция более утонченного понимания конструктивистского подхода. Неслучайно, такой известный российский этносоциолог как Л.М. Дробижева выступает в поддержку более глубокого подхода, основанного на идеях мэтра французской социологии П. Бурдьё. В этом случае и этнос, и нация – принципиально дуалистичные феномены, представляющие собой «... с одной стороны конфигурацию социокультурных процессов, практик (структура), а с другой – как результат социального конструирования самими людьми, приобретающий характер структуры по отношению к входящим в этнополе индивидам»²⁵.

Таким образом, этнос продуктивнее (и в смысле теоретического потенциала, и с точки зрения практической полезности) понимать, как интересующее представление о том, что некоторая совокупность людей составляет устойчивую социальную общность в силу их происхождения от общих предков (реального или воображаемого) и/или наличия общих культурных признаков, перечень которых заранее никогда не определен и не фиксирован. Этнос существует постольку, поскольку идентифицирующие себя с ним индивиды в это верят и до тех пор, пока они продолжают в это верить. От этого этнические группы не становятся менее реальными, поскольку, в полном соответствии с теоремой Томаса, то что люди определяют как реальное, становится реальным по своим последствиям. В терминологии П. Бурдьё этническая идентичность является частью габитуса – организующего принципа социальных действий индивидов, а уже их действия порождают безличные структуры, которые в свою очередь участвуют в воспроизводстве соответствующих структур габитуса, включая и этническую идентичность. Пока повторяется этот цикл, этносы продолжают свое бытие.

Что же касается нации, то это понятие, как мы полагаем, следует освободить от этнокультурной нагрузки и трактовать общепринятым за пределами советской «теории этноса» смысле – как общность, основанную на принадлежности индивидов к определенному государству в качестве его равноправных членов (т.е. граждан). Оснований для отказа от дефиниции «нация» как стадии исторической эволюции этноса при определенных политических формах организации социальной жизни более чем достаточно, поскольку совпадение этнических границ с границами государственными – скорее исключение, нежели правило, к тому же, скорее всего, случайное. Россия же на протяжении всей её истории как раз являла

собой пример обратного, и если сегодня не продвигать идею нации как сообщества граждан единого государства, то есть риск столкнуться с лавинообразным ростом этнонационализма, проповедующего принцип, согласно которому каждый более-менее многочисленный и консолидированный этнос должен обладать своей собственной государственностью.

Примечания

1. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 7–21; Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции*. М., 2005. Вып. II. С. 145–147; Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 97–104, 135–144; Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. С. 40–48.
2. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия / пер. с нем. М.С. Панина. СПб.: Серп, 1909. С. 139.
3. Широкогоров С.М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Изд. 2-е. М., 2011. С. 13.
4. Там же. С. 14.
5. Подробнее см.: Филиппов Р.В. Советская теория этноса. Историографический очерк. М.: Ин-т Африки РАН, 2010. С. 114–179; Соколовский С.В. Советская академическая теория этноса: некоторые политические и философские истоки // *Этнометодология. Проблемы, подходы, концепции: ежегодник*. Сер. «Этнос. Культура. Социум». М., 2012. С. 183–197. Следует отметить, что именно в советской науке получил всеобщее признание термин «этнос», тогда как за пределами СССР сходный комплекс феноменов обозначался иными однокоренными терминами: этническая группа, этничность (ethnicity) и др.
6. Подробнее см.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. С. 45–57, 294–338.
7. Там же. С. 63–66.
8. Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора // *Этнограф. обозрение*. 2000. № 2. С. 66–67.
9. Там же. С. 68.
10. Там же. С. 64.
11. Следует отметить, что универсального перечня таких культурных признаков выявить ещё никому не удалось; по крайней мере, эмпирически фиксируется высокая степень вариативности культурных признаков, на основе которых осуществляется различение «своих» и «чужих».
12. В числе примеров подобной критики см. например: Колпаков Е.М. Этнос и этничность // *Этнограф. обозрение*. 1995. № 5. С. 13–23.

13. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. ст. / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Нов. изд-во, 2006. С. 13–14.

14. Там же. С. 15–16.

15. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1995. С. 32–33.

16. Геллнер Э. Нации и национализм: пер. с англ. / ред. и послесл. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. С. 126–130.

17. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма: пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. С. 71–159.

18. Там же. С. 31.

19. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности: пер. с фр. М.: Логос, 2004. С. 95–98.

20. Там же. С. 99–100, 128.

21. Тишков В.А. Реквием по этносу... С. 157.

22. Тишков В.А. Забыть о нации: постнационалистическое понимание национализма // Вopr. философии. 1998. № 9. С. 3–26.

23. Тишков В.А. Реквием по этносу... С. 158.

24. Основательные рассуждения об этом см.: The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge University Press, 2013.

25. Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестн. Ин-та социологии. 2010. № 1. С. 432.

А.Р. Павлушков

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ СТАТУС РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ

Изучение пенитенциарной практики Русской православной церкви (РПЦ) имеет чрезвычайно важное значение для отечественной исторической науки. Результаты исследования создают основу для критического осмысления государственно-церковных

© Павлушков А.Р., 2016

отношений, особенно в таком сложном направлении, как карательная политика. Существует и сугубо практическая потребность в реконструкции исторического опыта государственно-церковных отношений, связанная с реализацией современной концепции развития уголовно-исполнительной системы¹. В этой связи попытка очертить пенитенциарный статус РПЦ, понять и выявить общие черты его оформления является вполне закономерным шагом.

Прежде всего, возникает вопрос: насколько правомерно по отношению к церкви применять понятие «пенитенциарный статус»?

Классическое представление о социальном статусе связывают с набором «определенных (экономических, профессиональных и иных) признаков, присущих данной системе»². Данные признаки раскрывают правовое или признанное положение субъекта, которое чаще всего институционально закреплялось государством. Статус характеризуется также «усвоением норм, ...которые сложно скоординированы относительно господствующей системы ценностей»³ и отражают «потребность в новом социальном опыте»⁴. Очевидно, что «новым социальным опытом» выступает пенитенциарная деятельность, которая при всех различиях в трактовках, связана с местами лишения свободы, где происходило отбывание наказания, исправление и покаяние осужденного⁵.

Пенитенциарный статус Русской православной церкви, таким образом, закреплял ее специфические права и обязанности в тюремной системе, реализация которых являлась воплощением делегированных ей государственных функций. Другими словами, государство (и общество) признавало за частью организованного духовенства выполнение целого комплекса пенитенциарных задач, связанных с исправлением, попечением, сопровождением тюремного населения. В лексике христианского вероучения такая деятельность называется «тюремным окормлением»⁶.

Оформление пенитенциарного статуса РПЦ произошло в XIX столетии, когда законодательно сложилась структура центральных органов российской пенитенциарной системы, включавшая в себя совокупность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Понятие «пенитенциарный» имело широкое толкование (как формы уголовной репрессии) и отождествлялось прежде всего с понятием «тюрьма». Последнее трактовалось в разных значениях: как конкретное место заключения, как все виды и формы карательного заключения (ссылка, каторжная тюрьма, арестантская и пересыльная тюрьма)⁷. Неслучайно деятельность